

ЖУЖАННА КАЛАФАТИЧ

Будапештский экономический университет
(Будапешт, Венгрия)

ORCID: 0000-0001-7093-7788

e-mail: Kalafatics.Zsuzsanna@uni-bge.hu

**ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ
В ПОСЛЕДНИХ РОМАНАХ В. СОРОКИНА**

**POST-APOCALYPTIC MOTIFS IN VLADIMIR SOROKIN'S
LATEST NOVELS**

Abstract

Since antiquity, literature has been saturated with examples of both natural and human-caused catastrophes, with various depictions of the defects of nature, society, and body. The topos of catastrophe appears in a variety of genres even today. This article focuses on three novels by Vladimir Sorokin – *Telluria* (2013), *Manaraga* (2017) and *Doctor Garin* (2021). The analysis attempts to examine how the author draws on clichés of anti-utopias, fantasy, science fiction, apocalyptic and post-apocalyptic works when constructing a post-catastrophic world. The story of the catastrophe and its aftermath is most vividly presented in *Telluria*, while the other two novels merely add various nuances to the depiction of this post-transcendent world. Sorokin's texts are closely linked to anthropological, political, social, and cultural theories, ideas and issues of our time. In the writer's novels nothing is left untouched, everything, including spaces, states, languages, books, concepts and man himself, is in a state of rupture, disintegration, disappearance, constant transformation.

Keywords: disaster tropes, genre clichés, *Telluria*, *Manaraga*, *Doctor Garin*, post-apocalyptic world, transgression

В настоящее время исследования катастроф (disaster studies) представляют собой самостоятельную междисциплинарную область исследований, где пересекаются естественные и гуманитарные науки.

Катастрофа – внезапная, коллективная стрессовая ситуация, вызываемая стихийными бедствиями, техногенными авариями, насильственными межгрупповыми конфликтами, нехваткой жизненных ресурсов и другими серьезными угрозами жизни, здоровью, имуществу, благополучию и быту. Природные или вызванные человеческой деятельностью (антропогенные) катастрофы – это события, кардинально влияющие на жизнь человека и коренным образом меняющие поведение индивидуума и весь опыт человечества. Один из основных вопросов искусства заключается в том, как вообще уловить и запечатлеть, можно ли изобразить это событие, выходящее за рамки обычного человеческого опыта и подвергающее испытанию и человека, и общество. Всегда важен вопрос о том, в какой мере общество, пережившее бедствие, может справиться с тем, что произошло, как оно переживает это событие и встраивает его в свое повествование о прошлом. Уже в древней литературе и Библии мы находим множество примеров как природных, так и вызванных человеческой деятельностью катастроф.

В XX-XXI веках особую популярность приобрели повествования о вымышленных катастрофах, фильмы и литературные произведения, показывающие нарушение состояния равновесия, дефекты природы, общества и тела в различных формах. С одной стороны, эти работы изображают тревоги, которыми пронизан весь наш мир, но в то же время они стремятся укротить эти страхи. Иногда изображаемая ситуация несколько сглаживается авантюристкой и многогранностью сюжета, как, например, внезапный побег, порой же эти произведения заставляют переосмыслить серьезные философские и нравственные проблемы. Литературные произведения, посвященные катастрофам, помимо изучения фактов стихийного бедствия, также свидетельствуют о культурных моделях и инструментах, используемых сообществом для восприятия и осмысления стихийного бедствия. Топос катастрофы появляется в самых разных жанрах, включая антиутопии, дистопии, фэнтези, научно-фантастические, апокалиптические и постапокалиптические романы.

Владимир Сорокин опирается на клише этих жанров, когда конструирует постапокалиптический мир в своих последних, отмеченных наградами, романах *Теллурия* (2013 г.), *Манарага* (2017 г.) и *Доктор Гарин* (2021 г.). Больше всего об истории и последствиях катастрофы мы можем узнать из *Теллурии*, два других романа лишь

отсылают к этой ситуации. После Второй исламской революции, за которой последовали опустошительные войны и миграция населения, оккупация неизвестными племенами и исламскими народами, Европа и Россия полностью преобразились, распавшись на республики, княжества, царства, ханства.¹ Жизнедеятельность этих государственных образований изображается в *Теллурии*. Эпоха, описанная в романе многими критиками, отождествляется с Новым средневековьем.² Роман, состоящий из пятидесяти глав, является для Сорокина, с одной стороны, стилевым упражнением, так как каждая часть имитирует разные тона, стили и жанры (в том числе драмы, рекламные ролики, письма, агитационные памфлеты, боевые песни, сказки, былины, рыцарский и производственный романы, молитвы), а с другой стороны, это возможность подвести итоги, каталогизируя возникающие после катаклизма идеологические, политические, включая монархические, националистические, сепаратистские, реакционные, ревизионистские, неонацистские, антиглобалистские взгляды. Роман выстраивается на этих идеологических, политических, и культурных клише, иногда чрезвычайно увлекательно, иногда менее занимательно. Можно было бы долго перечислять авторов, на произведениях которых ссылается Сорокин и откуда берет явные и скрытые цитаты и аллюзии. Однако проецирование и сопоставление различных отсылок и культурных клише уже не вызывает удивления или коллизий. Но важно отметить, что Сорокин использует пастиш и анахроничные элементы уже не в целях деконструкции.

Места действий в романе разнообразны, сюжет разворачивается в Германии, Швейцарии, Франции и Испании, а также в более мелких государствах, образовавшихся на территории бывшей России. В видении Сорокина, Тартария, Башкирия, Московия, образованная сталинскими олигархами Сталинская Советская Социалистическая Республика (СССР), Уральская Республика, Рязанское Княжество

---

¹ Катя Морозова и Настя Яровая создали и визуализировали карту Сорокинской Евразии. См. Катя Морозова, Настя Яровая: *Альтернативная карта России и Европы по „Теллурии“ Сорокина*, <http://www.lookatme.ru/mag/howto/books/197235-sorokin-map> (29.01.2022).

² В своем исследовании Львовский подробно рассматривает понятие „Новое средневековье” и различные интерпретации этого понятия, а также связь этих концепций с сорокинским романом. Станислав Львовский: *Третья психоделическая Владимира Сорокина, или „Теллурия”: пятьдесят глав о том, чего не может быть*, в: *„Это просто буквы на бумаге...”. Владимир Сорокин: после литературы*. Москва 2018, с.589-633.

и Демократическая Республика Теллурия находятся в постоянной дипломатической и вооруженной борьбе друг с другом. Кстати, здесь разворачивается значительная часть сюжета, поэтому важную роль играют размышления о судьбе и исторической миссии России, принадлежащие разным эпохам идеи, уже определившие трилогию Сорокина *День опричника*, *Сахарный Кремль* и *Метель*. Несмотря на свою территориальную раздробленность, эти евразийские государства объединяет борьба с исламом, стремление к укреплению собственного статуса и использование названного в заглавии теллура. Отсылка к неоевразийской философии и геополитике Александра Дугина³ становится доминирующей и яркой особенно в главе XXIII, где представлено государство Алтая, Теллурия.

В Республике Теллурии из обнаруженного в 2022 году теллура, согласно замыслу, делают галлюциногенные гвозди, которые вбивают в головы людям. Этот мотив соединяет разорванное действие. Теллурией правит загорелый и спортивный Трокар, который заботится о своих подданных почти как отец и регулярно спускается к ним с высоты горы. Использование теллура в этом государстве законно, а добыча и экспорт теллура обеспечивают благополучие трехязычного государства и мирное сосуществование элиты из нормандского крылатого легиона „Голубые шершни” и местных жителей. Маленькое государство вроде бы не имеет никакого значения в мировой политике, официально его признают всего 24 страны, но при этом оно играет решающую роль за счет торговли теллуrom. А спрос на теллур большой, ведь после вбивания в голову сделанного из него гвоздя пользователь переживает реализацию своих желаний и мечтаний. Теллур приносит счастье таким образом, что человек не теряет контроль над собой и способен контролировать свои желания. Повсюду персонажи ищут ощущения свободы, абсолюта, освобождения от обыденности. Почти в каждой главе герои говорят об эффекте, трансгрессивном характере теллура. Об этом говорит плотник, чья особая

---

³ См. „Название романа, поставленное в единственное число, говорит в пользу панъевразийской трактовки. „Теллурия” – явная аллюзия к „теллурократии”, центральному понятию неоевразийской философии Александра Дугина. ... Ненавистой „талассократии” Соединенных Штатов противостоит „теллурократия”, отождествляемая Дугиным с „внутриконтинентальными просторами Северо-Восточной Евразии (в общих чертах совпадающими с территориями царской России или СССР” – с территорией, которую как раз и занимает придуманная Сорокиным Теллурия.” – Дирк Уффельманн: *Дискурсы Владимира Сорокина*. Москва 2022, с.226-227.

наука и задача – вбить гвоздь в голову в нужное место, и об этом говорят множество разных пользователей. В главе XLVI Сергей Венедиктович Лукомский, ставший одним из учеников „Господа нашего Иисуса Христа”, дает подробную характеристику теллура:

Все меркнет, все бледнеет и гаснет рядом с божественным теллуrom. Этому продукту нет равных в мире наркотических веществ. Героин, кокаин, кислота, амфетамины – убожество рядом с этим совершенством. ... Вы знаете, в чем мощь теллура. Он возбуждает в мозгу нашем самые сокровенные желания, самые лелеемые мечты. Причем – мечты осознанные, глубокие, выношенные, не просто импульсивные позывы. ... Теллур, дарует вам целый мир. Основательный, правдоподобный, живой.⁴

В предпоследней главе, полемически обыгрывающей гинзберговский *Вопля*, мы читаем экстатическое прославление теллура: теллур освобождает из плена времени, творит новую реальность, оживляет, воскрешает мертвых, то есть дает шанс выйти за пределы человеческого существования:

Теллур, раздвигающий пределы человеческого!
Теллур, наполнивший людей уверенностью в
прошлом, настоящем и будущем! Уверенность!
Счастье! Радость! До краев! До иступления! До закипания крови! До
Великого Успокоения Души!
Теллур, чье имя – Преодоление Времени и Пространства!
Теллур, сделавший нас совершенными!
Теллур!⁵

Собственно говоря, при использовании теллура исчезает различие между имманентным и трансцендентным, точнее, „трансцендентное здесь стало имманентным”⁶. В придуманном Сорокиным мире человеческого существование на самом деле становится бездейственным, невесомым. Поскольку теллур вызывает подлинное ощущение реальности, человек даже не ищет радости от создания чего-либо, он довольствуется приобретением и употреблением этого наркотика, сакрализацией индивидуального опыта.⁷ Последняя глава, при всей

⁴ Владимир Сорокин: *Теллурия*. Москва 2013, с.406, 409, 410.

⁵ *Ibidem* с.435.

⁶ Станислав Львовский: *Третья психоделическая Владимира Сорокина, или „Теллурия”: пятьдесят глав о том, чего не может быть*, в: „Это просто буквы на бумаге...”. Владимир Сорокин: *после литературы*. Москва 2018, с.629.

⁷ В прозе Сорокина уже в *Сердцах четырех* просматриваются своего рода метафизические устремления. Начиная со второго периода творчества, автор

своей сентиментальности, лишь подтверждает этот опустевший мир, изображенный Сорокиным. Гаврила Романыч, бывший водитель у безымянной княгини, отказывается от использования теллура, а также от человеческого сообщества. Он отходит от мира, живет в одиночестве в лесу и возделывает землю.

Сюжет следующего романа Сорокина, *Манарага*, происходит в будущем, уже показанном в *Теллурии*, но здесь не идет речь о теллурических гвоздях. Изображается мир после кровожадной войны в 2037 году, где агрессия не прекратилась: „Война вроде прекратилась, а люди все бьют и бьют друг друга по мордам в магазинах, ресторанах, игровых зонах, на улицах, в борделях, в банках, в прачечных, в поездах дальнего следования”⁸. В этом постапокалиптическом, посткатастрофическом мире перестало существовать традиционное книгопечатание, а электроника одержала полную победу. Именно при таких обстоятельствах рождается обряд book’n’grill. Печатные издания теперь доступны только в музеях и библиотеках, и книга не ассоциируется с образами сохранения знаний и памяти, а скорее становится источником особого кулинарного наслаждения и в то же время символом потребительского общества, роскоши. Согласно истории происхождения, первой книгой, на которой был зажарен стейк, было произведение Джойса *Поминки по Финнегану*, украденное из Британского музея.

Первый стейк „приготовили и съели четверо великих мужей – психоаналитик, флорист, биржевой брокер и контрафоготист. ... Четверку джентльменов, подаривших миру новую моду, тогда окрестили „новыми битлами”: трое из них совпадали именами с ливерпульской четверкой: Джон, Джордж и Пол. Контрафоготиста звали Грегор. И те, и нынешние стремительно ворвались в послевоенный европейский мир. Да, после войны всем, всем вдруг отчаянно захотелось *почитать*.”⁹

ставит в центр своих произведений стремление человека во что бы то ни стало вырваться из тюрьмы телесности, материальности, из заключенности в здесь и сейчас. Именно поэтому в надежде пересечь эту грань, в жажде приобрести мистический трансцендентный опыт, действующие лица сорокинских произведений с величайшей безжалостностью обращаются как к другому, так и к собственному телу и материальности. Переходы границ и обряды преображения никогда не приводили к опыту успокоительного разрешения вплоть до публикации романа *Теллурия*.

⁸ Владимир Сорокин: *Манарага*. Москва 2017, с.174.

⁹ Ibidem с.15,16.

Слова читать, чтение, читатель приобрели новый смысл в этом пост-книжном мире: чтение – это сжигание книги¹⁰ для приготовления пищи. Причина сжигания книг – не идеологический вопрос, вопрос власти, как это случалось много раз в истории, а послевоенный обычай и обряд тех, кто живет в хороших финансовых условиях, в роскоши потребительского общества. Разные продукты готовятся на огне из разных книг, ценность еды определяется используемым топливом, то есть толщиной книги и качеством бумаги. Сорокин не в первый раз связывает литературные произведения и потребление (будь то наркотики или продукты питания). Как отмечают многие рецензенты *Манараги*, предшественником романа является рассказ *Concretные* из сборника *Пир* (2002), действие которого происходит в цифровом будущем.¹¹ Его герои – биороботы, любители литературных трипов, которые своими виртуальными челюстями и конечностями проникают во внутреннее (фиктивное) пространство книг и поедают тела литературных героев, и именно этот особый каннибализм заряжает их энергией, наполняя силой, необходимой им в первую очередь для удовлетворения своих телесных потребностей.

Главный герой и рассказчик произведения является членом нелегальной организации „Кухня”. 33-летний Геца Яснодворский родился в Будапеште. Его отец – белорусский еврей, а мать – татарка из Польши, оба бежавшие сюда от преследований православных и исламских фундаменталистов. Шеф-повар Геца готовит блюда исключительно на первых изданиях произведений русских авторов. Его уговорил выбрать это направление его наставник, Zokal. „Из семи поварят я был единственный русский. Трое жарили на английских книгах, двое на французских, один на испанских. Надо мной хоть и потрунивали, но уважительно: я рисковал, русский гриль тогда еще не был раскручен. ... Миф русской литературы оказался сильнее моих страхов.”¹² Из-за своей работы он постоянно был в разъездах, кочуя по всему миру, работал, например, в Германии, Франции, Швейцарии, Японии, Норвегии и Трансильвании. Рассказчик-путешествен-

¹⁰ О теме библиоклазма в литературе подробнее см. О.Н. Турышева: *Сожжение книг: новая семантика старого мотива: (на материале романа В. Сорокина „Манарага”)*, „Филологический класс” 2018, № 2 (52), с.141-145.

¹¹ О.Н. Турышева: *Читатель как персонаж гротескного сюжета*, „Уральский филологический вестник” 2020, № 1, с.78.

¹² Владимир Сорокин: *Манарага*. Москва 2017, с.19,20.

ник посвящает читателя в тайны своего ремесла, которое он считает незаконным, подпольным искусством своего времени.

Романы, как известно, печатались на разной бумаге. И гореть она может по-разному. Возможны как тление, так и вспышки, с последующим воспарением листов и прилипанием их к мясу или кружением над головами клиентов. ... А книга должна быть яркой: пылать и поражать. Опытный мастер обязан просчитать весь процесс как шахматную партию и хладнокровно балансировать над пропастью. Переплет, каптал, коленкор, картон, марлевые клапаны, пеньковый шнур, закладки, казеиновый клей, засушенные цветочки, книжные вши, клопы или тараканы в корешке – все это скрытые угрозы. Их необходимо учитывать.¹³

Геза хорошо знаком с физическими параметрами первых изданий, любит печатные книги, но, как ни странно, о самих произведениях почти ничего не говорит, так как, по его собственному признанию, русской классики в традиционном понимании не читал. На первый взгляд привлекательна разработанная им система ценностей, литературный канон Яснодворского. Помимо классики, он использует произведения Булгакова, Бабеля, Зощенко, Набокова и Платонова, то есть признанные, канонизированные, имеющие определенные культурные ценности тексты. По собственному признанию, он никогда не готовит пищу на произведениях писателей второго сорта и постсоветской литературы. Этому в некоторой степени противоречит тот факт, что у него есть клиенты, желающие стать похожими на великих писателей, мыслителей. Но отождествление удастся лишь отчасти: клиент, похожий на Толстого, философский вопрос Толстого *Много ли земли человеку нужно?* сводит к конкретным физическим потребностям: „Сколько человеку нужно воды? Сколько человеку нужно воздуха? Сколько человеку нужно одежды? ... Сколько человеку нужно мебели? Сколько человеку нужно денег? Сколько человеку нужно сна?“¹⁴ Другой клиент, который воображает самого себя Ницше, – зооморфное существо, гигант с лисьим лицом. Он просит Гезу приготовить часть своей груди на рукописи, написанной собственной кровью. Шеф-повар включает в свой дневник тексты обоих самозванных авторов и оценивает их: „Беда в том, что это – не канонические *дрова*, а новый *валежник*, выращенный ими на своем огороде. Кухня нужна

¹³ Ibidem с.7,8.

¹⁴ Ibidem с.93.

им для легитимации в собственных глазах и среди окружающих их безумцев.”¹⁵

В мире Сорокина знания и информация черпаются уже не из книг, а из продающейся кибернетической конструкции, умных блох, встроенных в человеческое тело. Эти имплантаты управляют Гезой, поэтому, подвергаясь воздействию этой техники, можно легко перепрограммировать его поведение и контролировать его сознание после неудачной миссии. Ему придется уничтожить молекулярную машину в горе Манарага, поскольку она способна выпускать молекулярные копии, почти идентичные первым изданиям, а это означает, что эксклюзивное, однократное чтение делается широко доступным, повторяемым в любое время и легализованным. После неудачи и стирания воспоминаний Геза полностью принимает план заговорщика Анри и с радостью участвует в его реализации. В нарисованном посткнижном мире вся уникальность исчезает не только из-за массовой репродукции книг, но и в результате потери человеком способности управлять сознанием и памятью. Однако этот процесс начался намного раньше, только в недрах горы Манарага читателю становится ясно, что скрывает в себе светлое будущее!

На первый взгляд, кажется, что опубликованный в 2021 году роман Сорокина *Доктор Гарин* дает некоторую надежду в этой постчеловеческой, посттрансцендентной вселенной. Главный герой произведения впервые появляется в романе *Метель*. Имя Гарина анаграмматически скрывает чеховского доктора Рагина. Сорокинский герой тоже размышляет о целях существования, природе добра и зла, людях, но в его путешествии в село Долгое все романтические представления теряются, остается только ломкий эгоизм, злоба на всех и все.¹⁶ Правда, именно поэтому он может выжить, потеряв обе ноги. В новом романе у него уже титановые конечности и он живет в одном из государств разваливающейся России, Республике Алтай, где является главным психологом санатория Алтайские Кедры. Здесь он ле-

---

¹⁵ Ibidem с.141.

¹⁶ Метель поглощает и растворяет в себе все, олицетворяя и представляя собой хаос. Герой не может контролировать ни пространство, ни время, он отчужден и от того, и от другого. В то время как препятствия пространства и природы очевидны, непреодолимость прошлого абстрагирована и представлена цитатностью. В этом случае интертекстуальность уже не означает встроенность в традицию, а скорее представляет собой повторение, вечное возвращение, которое и является источником катастрофы в интерпретации Сорокина.

чит карикатурно изображенных существ, напоминающих огромную задницу, которые когда-то правили миром и теперь просто ищут успокоения, желая избавиться от своих неврозов. (После ухода из санатория некоторые из них выступают в цирке.) Взрывающаяся неподалеку атомная бомба обрывает спокойную жизнь. Доктор Гарин снова отправляется в путь, а построение сюжета следует известной схеме приключенческих романов: судьба раскручивает новые и новые препятствия перед странствующим героем и дает ему возможность познакомиться с разными мирами и реальностями, которые, конечно, обусловлены русской классической литературной традицией и советской литературой.¹⁷ Так, он ходит среди анархистов, по помещицкой земле, по крестьянским имениям великанши Матрешки. Позже становится пленником и попадает в трудовой лагерь чернышей, которые были разработаны во время холодной войны, в ходе секретного военного эксперимента. Прежде чем они были окончательно уничтожены, им удалось сбежать и выжить в болоте. Все их тела покрыты шерстью, они нечувствительны к человеческим страданиям, безжалостны к своим говорящим на разных языках пленникам, которых, казалось бы, бессмысленно эксплуатируют. Сопrotивление бесперспективно, ослушавшегося бьют по голове и топят в болоте. Гарин может сбежать только с помощью одной девушки, переводчика-альбиноса. Персонажи романа чрезвычайно разнообразны, они являют собой разные версии человека, его новые формы. Также трудно решить, где проходит грань между человеческим и нечеловеческим.

Цель Гарина – добраться сначала до Барнаула, а потом до Хабаровска, чтобы найти свою любовь Машу. Эти попытки одновременно предсказуемы (известны, обыденны и шаблонны) и сюрреалистичны, фантастически, гротескно доведены до невозможности. Сказочную фантастику усиливают волшебные предметы, которые помогают герою именно тогда, когда он нуждается в помощи. Вслед за приключениями Гарина мы, конечно же, путешествуем и по пространству русской литературы, воспроизводящему характерные фигуры, героев и вопросы русской литературы XIX и XX веков. Доктор –

---

¹⁷ Ср. „Я формулирую для себя это так: ваш герой, Гарин, обходит старые владения русской и советской литературы. Попутно он ее оплодотворяет, желая вернуть к жизни...” Александр Архангельский: „*Пятеро маяковских и четверо конных*”. *Интервью с Владимиром Сорокиным*, <https://novayagazeta.ru/articles/2021/04/15/piatero-maiakovskikh-i-chetvero-konnykh> (19.02.2022).

одержимый читатель, читающий любую попавшуюся в руки печатную книгу. Более того, Сорокин включает эти тексты в ткань романа. С одной стороны, эти вставные фрагменты прерывают ход сюжета, а с другой – разворачивают своего рода альтернативную историю. Своим чудесным спасением доктор также обязан книге. На обложке издания XV века изображена белая ворона, и в книге нет слов, только рисунки. Он сжигает эту книгу, чтобы согреться у огня, и, следуя магическому ритуалу, найденному на последней странице, избегает обморожения.

До последнего момента Гарин считает своей задачей лечить и помогать другим людям. Александр Генис называет его достойным наследником таких докторов-гуманистов, как Чехов, Булгаков и Живаго.¹⁸ Однако следует также отметить, что манера речи доктора Гарина мало напоминает язык тонкого мыслителя, так как он постоянно использует различные поговорки, пословицы, крылатые фразы, сентенции.¹⁹ Но несомненно, что ему удалось сохранить веру в интеллект, разум, который, по его мнению, побеждает хаос.

... как правильно, когда есть путь, правильный путь. Я следую своему пути, я выбрал его, я следую ему. Непреклонно, последовательно. С каждым движением я преодолеваю мировой хаос. И не только преодолеваю, но и перестраиваю границу хаоса, соприкасающуюся с моим движением, моей волей. Осознанный путь структурирует безвольный хаос. И хаос перестает быть хаосом. Он становится частью моего пути...²⁰

Вот почему некоторые критики считают, что Сорокин дает шанс на надежду, шанс на преодоление хаоса и пустоты. Однако я считаю пародийным моментом провозглашение высмеиваемого в вольтеровском Кандиде оптимизма Лейбница, как беспроblemного, безмятежного взгляда на жизнь. Несмотря на пережитые ужасы, доктор Гарин приходит к осознанию того, что этот мир – самый лучший во Вселенной. Землетрясение в Лиссабоне поколебало оптимизм Просвещения, и построенный на клише постапокалиптический мир Сорокина, при всей его сентиментальности, остается провозглашением безна-

---

¹⁸ Александр Генис: *Мешок без дна. О романе Владимира Сорокина „Доктор Гарин“*, <https://novayagazeta.ru/articles/2021/04/18/meshok-bez-dna> (14.02.2022).

¹⁹ Стоит отметить, что за год до публикации *Доктора Гарина* Сорокин выпустил книгу своих авторских пословиц под названием *Русские народные пословицы и поговорки*.

²⁰ Владимир Сорокин: *Доктор Гарин*. Москва 2021, с.385.

дежности, пустоты и метафизической безысходности. На мой взгляд, этот мотив стал слишком банальным в творчестве Сорокина. Но нельзя отрицать, что при всех своих преувеличениях диагноз Сорокина, его посткатастрофические видения стали горькой, гротескной реальностью нашего времени. Это доказывает, что тексты Сорокина тесно связаны с теоретическими, политическими, социальными и культурными идеями и проблемами нашего времени. Тем не менее более важными, чем футурологический прогноз, являются антропологические проблемы, поскольку в мире Сорокина ничего не осталось нетронутым, все находится в состоянии разрыва, распада, исчезновения, перманентной трансформации. Это так же верно в отношении стран, языков, книг и понятий, как и в отношении человека.

REFERENCES:

- Arhangel'skij A., *Pyatero mayakovskikh i chetvero konnyh*. Interv'yu s Vladimirom Sorokinym, <https://novayagazeta.ru/articles/2021/04/15/piatero-maiakovskikh-i-chetvero-konnykh> (Архангельский А., *Пятеро маяковских и четверо конных. Интервью с Владимиром Сорокиным*, <https://novayagazeta.ru/articles/2021/04/15/piatero-maiakovskikh-i-chetvero-konnykh> (19.02.2022))
- Genis A., *Meshok bez dna. O romane Vladimira Sorokina „Doktor Garin“*, <https://novayagazeta.ru/articles/2021/04/18/meshok-bez-dna> (Генис А., *Мешок без dna. O романе Владимира Сорокина „Доктор Гарин“*, <https://novayagazeta.ru/articles/2021/04/18/meshok-bez-dna> (14.02.2022)).
- L'vovskij S., *Tret'ya psihodelicheskaya Vladimira Sorokina, ili „Telluriya“: pyat'desyat glav o tom, chego ne mozhет byt', v: „Eto prosto bukvy na bumage...“*. Vladimir Sorokin: *posle literatury*. Moskva 2018, s.589-633. (Львовский С., *Третья психоделическая Владимира Сорокина, или „Теллурия“: пятьдесят глав о том, чего не может быть, в: „Это просто буквы на бумаге...“*. Владимир Сорокин: *после литературы*. Москва 2018, с.589-633).
- Morozova K., Yarovaya N., *Al'ternativnaya karta Rossii i Evropy po „Tellurii“ Sorokina*, <http://www.lookatme.ru/mag/how-to/books/197235-sorokin-map> (Морозова К., Яровая Н., *Альтернативная карта России и Европы по „Теллурии“ Сорокина*, <http://www.lookatme.ru/mag/how-to/books/197235-sorokin-map> (29.01.2022)).

- Sorokin V., *Manaraga*. Moskva 2017. (Сорокин В., *Манарага*. Москва 2017).
- Sorokin V., *Doktor Garin*. Moskva 2021. (Сорокин В., *Доктор Гарин*. Москва 2021).
- Sorokin V., *Telluriya*. Moskva 2013. (Сорокин В., *Теллурия*. Москва 2013).
- Turysheva O.N., *Sozhzhenie knig: novaya semantika starogo motiva: (na materiale romana V. Sorokina „Manaraga“)*, „Filologicheskij klass” 2018, № 2 (52), s.141-145. (Турышева О.Н., *Сожжение книг: новая семантика старого мотива: (на материале романа В. Сорокина „Манарага“)*, „Филологический класс” 2018, № 2 (52), с.141-145).
- Turysheva O.N.: *CHitalel' kak personazh grotesknogo syuzheta*, „Ural'skij filologicheskij vestnik” 2020, № 1, с.74-89. (Турышева О.Н., *Читатель как персонаж гротескного сюжета*, „Уральский филологический вестник” 2020, № 1, с.74-89).
- Uffelmann Dirk, *Diskursy Vladimira Sorokina*. Moskva 2022. (Уффельманн Дирк, *Дискурсы Владимира Сорокина*. Москва 2022).